

ПЕРСОНА

— Я человек старых взглядов: мобильника у меня нет, Интернетом пользоваться не умею, с какой стороны к компьютеру подойти, тоже не знаю. Жил без них почти 70 лет, думаю, и дальше проживу. На человека и так чересчур давит этот поток информации, чтобы еще добровольно в него погружаться... Достаточно того, что дома есть обычный телефон — кому надо, и так найдут. У нас в Литве даже если захочешь потеряться, ничего не выйдет, все на виду.

“На эту пенсию жить нельзя. Но ничего — живем”

— У нас периодически показывают старые фильмы с вашим участием: “Никто не хотел умирать”, “Из жизни отдающихся”, “Трест, который лопнул”, “Зеленый фургон”. Но все это снято во времена СССР, ничего нового уже сто лет не было...

— А ничего нового и нет. Только сериалы, и то обо мне лишь недавно вспомнили, стали какие-то эпизодические роли предлагать. Я и за них благодарен: у вас в России и без меня талантливых стариков хватает, и их никто не снимает. Недавно был в Москве, как раз на съемках. Играю в сериале “Персона нон грата” киллера. А что — согласился, такого в моей жизни еще не было. Он, прямо скажем, не очень умный: пока нашел, кого надо убить, завалил до кучи нескольких человек. Такой вот персонаж. А потом снова звонок — и снова киллера предложили, только американского. И хотя съемки в Симферополе, а я там уже очень давно не был, отказался: и одного убийцы с меня хватит.

— Не жалуете вы сериалы, а зря — они на нашем телевидении сейчас самые рейтинговые. Все артисты первого эшелона в очередь выстраиваются, чтобы получить хоть какую-нибудь роль.

— Я сейчас в Вильнюсском Малом театре новый спектакль репетирую, слово дал, а очередного киллера мне позже предложили. Я всегда стараюсь слово держать, да и не было в моей жизни ни разу, чтобы я кино предпочел театру. Недавно, правда, русского мафиозо сыграл в немецком сериале. Самому смешно: скривил рожу и стал бандитом. Если бы кто лет десять назад сказал, что буду этим заниматься, — застрелился бы. А сейчас признаюсь: да, это халтурно, да, это позорно. Но жизнь такая — актерам несладко живется, выбирать не приходится, спасибо, что вспомнили. Моя пенсия... Впрочем, не будем о грустном, жить на это нельзя. Но ничего, как-то ведь перебиваемся. Кино сколько может — пользуется твоей фактурой, твоей известностью. Да, раньше я играл американских шпионов, теперь — русских киллеров. И все из-за нее, из-за фактуры. Слава богу, остается театр, где можно что-то делать для души. По большому счету, только театром можно оправдать нашу профессию.

— Одно дело — кино: сказал реплику и забыл, снято. Но ведь в театре надежда лишь на свою память. Меня всегда поражало: как можно такие большие тексты наизусть заучивать? Или для вас этой проблемы не существует?

— Еще как существует! Это настоящее мучение — приходится зубрить по несколько часов в день. Да и старые тексты забываются, нужно их постоянно повторять. Но ничего — стисну зубы и зубрю, зубрю, уж больно спектакль нравится. Роль большая, интересная. И тема мне близка — о старости и смерти.

— Ну вот — только не говорите, что вы все это всерьез — вашей подтянутой фигуре любой молодой позавидует!

— Всю жизнь зарядку делаю, йогой занимаюсь. Статичные позы, дыхательная гимнастика — все это очень хорошо стимулирует органы. Которые уже старые, но еще функционируют. А все проблемы старческие мне уже знакомы, хотя что там будет в конце — никому до конца не известно... Этот спектакль — “Последняя луна”, — который я сейчас репетирую, не канкан, не комедия, хотя комических сцен в нем много. Современный человек настолько принимает нашу жизнь с иронией и самоиронией, что даже к факту своего старения и смерти не может относиться всерьез. Моего героя сын отвез умирать в дом престарелых, а жизнь он прожил интересную, ему есть что рассказать. И вот он ее рассказывает, переживает заново. Мне это интересно играть.

О пользе испанских апельсинов

— Говорят, лет пять-семь назад вас частенько видели на берегу реки. “Слонялся без дела, к деревьям подходил, все

“Вы знаете, мой муж больше не дает интервью русским журналистам. Извините. — Супруга Регимантаса Адомайтиса была не преклонна. — Не то чтобы вы все время что-то перевирали... Этого в общем-то и не требуется. Не те акцентцы, какие-то недоумки... — поверьте, этого достаточно, чтобы полностью изменился смысл сказанного”.

И жена г-на Адомайтиса, еще раз извинившись, повесила трубку. Уже приехав в Вильнюс, я продолжила названивать им домой, пока наконец не услышала голос самого Регимантаса (в Литве, как и во всей Европе, не признают отчества).

— А вы передадите привет Николаю Караченцову? Я тут пытался поздравить его с юбилеем, и представляете, у меня не приняли на почте телеграмму! Оказываешь, у нас уже несколько лет их в Россию не отправляют... — и, взяв с меня честное слово насчет “привета Караченцову”, назначил встречу в национальном драмтеатре, что в самом центре Вильнюса, на проспекте Гедиминаса.

СОВЕТСКИМ ЛЕВ

трогал их руками. От прохожих не шаркался, но и в душу никого не пускал”, — рассказывали мне многие вильнюсские знакомые.

— Было дело. Ведь как я все время думал? Уйду на пенсию, буду на печке валяться, в огороде копать. Книжки читать, что всегда откладывал, потому что времени не хватало, телевизор смотреть... И вот ушел. Пришлось уйти. Не было мне применения ни в кино, ни в театре. И не смог так жить, как мечтал, — скучно стало. Такой я человек — всегда нахожу себе занятия.

— Чем же вы занимались на вынужденной пенсии?

— Это очень странное ощущение, нереальное: сначала ты всем нужен, весь год у тебя расписан — съемки, гастроли, репетиции, а потом — раз! — и пустота. У меня ведь никогда раньше не было творческих проектов: каждый год новый фильм, новая роль в театре. Лет восемь назад это было, я тогда из театра ушел. Чем занимался? Корзинки плел. Как в детстве, когда в деревне жил. Простые такие, из лозы, под картошку. Приходил на берег реки и выбирал прутья получше. А потом плел. Превратил нашу вильнюсскую квартиру в мастерскую... Редиску, салат, лук на даче выращивал — это забавно. А с такой пенсией, как у меня, еще и выгодно.

— Неужели на рынке торговали?

— Да нет, для собственного удовольствия. Надеюсь, для продажи мне этим заниматься не придется. Хотя от сумы и от тюрьмы... Да и не купил бы никто моих корзинок — до совершенства мне еще далеко, они у меня кривые получаются. А вообще мне очень нравится плетеная мебель — все хочу гостиную своими руками сделать, над дизайном думаю. Телевизор стараюсь как можно меньше смотреть: картинка гипнотизирует, раз — и попал под ее власть, и время влетуно тра-

Литовский актер Регимантас АДОМАЙТИС:
“Раньше я играл американских шпионов. Теперь — русских киллеров”

тишь, и к бездействию приучаешься. Я всегда внуков от телевизора гоняю. Маленьких детей больше всего жалко: они не читают, не развивают фантазию, привыкают к пассивному созерцанию.

— У вас внуки есть? И сколько их уже?

— Четверо пока. И все — у одного: старший, Витаутас, порадовал. Ему уже 30, у него три дочери и один сын, в Клайпеде они. Двое других сыновей — пока холостяки, живут с нами в Вильнюсе. Правда, мы их редко видим, все время в Европе на заработках. Гедиминасу 27, он в Лондоне сейчас, работает на одну кинокомпанию, но не актером. Он единственный пошел по стопам: закончил актерский, вел передачу на телевидении. А потом уехал в Америку ухаживать за большим стариком — за это ему хорошо платили.

— Практически вся литовская молодежь уезжает сейчас за границу на заработки. Дома найти хорошую работу сложно, максимум 100–150 евро заработаешь. И то — если повезет...

— Это точно, не от хорошей жизни едут: в Данию — клубники собирать, в Испанию — апельсины, в Штаты — за стариками ходить, как мой Гедиминас. Младший, Миндаугас, тоже вот в Лондон уехал — в автомастерской машины чинит, говорит, что ему это очень нравится. Я к ним не лезу — они у нас ребята самостоятельные, пускай сами свой путь ищут.

— Неужели не кольнуло: чтобы сын одного из самых известных советских актеров после актерского сиделкой за океаном работал? Большинство родителей любимыми способами пытаются детей лучше пристроить...

— Мы с женой и не пытались, он даже в театре ни разу не играл. И даже если вы спросите, талантливый он или нет, я вам не отвечу. Талант быть объективным. А если субъективно — свои дети всегда самые лучшие, самые талантливые, и в этом я ничем от других родителей не отличаюсь.

С первой пробы — как с первого взгляда

— А вы ведь тоже долго ходили в старых холостяках, да и в театр не сразу попали.

— Не зря говорят: если в 20 лет не женился, потом трудно найти партнершу. Так и я: то это не то, то другое. А уж

влюбиться и вовсе из разряда невозможного. А тут увидел ее на пробах — и все, пропал! С первого взгляда, все как положено.

— Фильм, на котором вы познакомились с Евгенией Баерите, кажется, назывался “Чувства”?

— Меня утвердили на главную мужскую роль, ее — на две главные женские. По сценарию она сначала умирает и оставляет на руках у мужа двойняшек. А потом он, то есть я, влюбляется в другую женщину — которую, опять же, играла Жена. Вот так, на съемках, мы и влюбили друг в друга.

— И сразу же забыли про всех поклонниц? Ведь уже вышел фильм “Никто не хотел умирать”, и по вас чуть ли не полстраны сохло. Уж пол-Литвы — точно!

— Ну да, после этого фильма мы все, как теперь говорят, проснулись знаменитыми. И Банионис, и Будрайтис, и я. Но к тому моменту я уже шесть лет в театре играл, зрители узнавали в лицо. А поклонницы? Их не было! До театра я вообще был очень замкнутым, душа не нараспашку. Учтите, весь физмат просидел в аудитории за книжками и ничего, кроме них, не видел. Книжный червяк, одним словом. Хотя учился хорошо, мне это было интересно. Уже закончив физмат, пошел на актерский. Театр открыл другие стороны моего характера. Я и сам от себя не ожидал таких перемен.

— Один-единственный брак на всю жизнь, да еще в актерской семье — случай редкий. Долго пришлось притираться друг к другу?

— Да всю жизнь притираемся — мы же очень разные и по характеру, и по темпераменту. Вообще с творческими людьми трудно: они с утра до ночи поглощены своей профессией, на нормальную жизнь у них нет ни времени, ни сил. Дурной характер, максимализм, нарциссизм, если хотите — все это свойственно людям нашей профессии. Но все это не про меня — я хороший. Не кусок золота, конечно, иначе бы не занимался творчеством, но для семейной жизни вполне пригодный.

— А как же командировки, съемки, измены?

— А мы практически не расставались — только когда я уезжал на гастроли или на съемки. Так получилось, что у нас с Женей все хорошо. Нам просто повезло — это счастье, когда сразу находишь то, что тебе нужно. Я никого не осуждаю: многие разводятся, меняют партнеров. Мы тоже ругаемся, скандалим. Все эти эмоции, эта энергия, которая непонятно откуда берется и выплескивается потом на сцене, для нормальной жизни мало-пригодна, дает неприятные разряды. Но получается, что без нее и не будет ничего.

“Я не герой — это правда”

— В одной из киношных энциклопедий написано про вашего героя: “В фильме “Никто не хотел умирать” у героя Адомайтиса правды не было — была энергия, и нкуда было девать свою душевную пустоту”. Главная тема Регимантаса Адомайтиса — несовпадение внешнего и внутреннего в его героях. И внешнее в его героях превалирует над внутренним и разрушает его”, — говорится в другой энциклопедии. Насколько определение ваших героев совпадает с вашим “я”?

— Вообще не совпадает — так же, как у большинства актеров. Все мои герои — мужественные люди, с трагическим подтекстом. Но на самом деле я — не герой, я самый обычный человек, это правда. Хотя зрителям в это сложно поверить, они все равно будут всегда ассоциировать меня с моими персонажами.

— “У Адомайтиса ампула “хорошего, надежного мужа”, этакого нордического молодца-удальца. Даже играя отрицательные роли, Адомайтис казался положительным, добрым человеком, “своим”. Он не нес в себе загадки, он нес в себе ясность” — снова цитата из кино-энциклопедии.

— Я лучше вам историю расскажу. Был у меня кумир. О, боже мой, как же его фамилия, склеротик я старый!.. Красавец такой, он был еще председателем кинофестиваля в Западном Берлине, а я — членом жюри... Жан Марэ! Как я мог забыть! Я любил его еще со школы, обожал студентом. И вот повезло: мы познакоми-

лись, пообщались немного. И знаете — он тоже ни капельки не походил на своих персонажей. Наверное, как зритель я был немного разочарован — потому что он, реальный, не совпадал с моими представлениями о нем. Так что я тоже бывал в шкуре обычного зрителя и обычных заблуждений. Но Жан Марэ все равно остался моим кумиром, и я горжусь нашим знакомством.

— Мечта должна оставаться мечтой, а вас правильно поняла?

— У меня тоже была мечта, одна-единственная: увидеть Париж! И я ее осуществил. И не могу сказать — разочаровал он меня или, наоборот, очаровал. Просто Париж — это Париж, и этот город занимает особое место в моей жизни. Я с детства учил французский, более-менее его знаю. Обожаю Гюго — он мой любимый еще со школы, — Сент-Экзюпери. Ив Монтан, Эдит Пиаф, Шарль Азнавур — я их обожал, бредил их музыкой, их голосами...

— Ну, поездить-то вам пришлось: около сорока киношных ролей, да к тому же многие фильмы снимались за границей. Остались ли хоть какие-то уголки земли, где не побывали?

— Япония, Китай, Индия — не довелось, хотя очень хотелось бы их увидеть. А так почти весь мир объездил, и это в те годы, когда для всех был “железный занавес”. Если картины были совместной продукцией, то вообще из-за границы практически не вылезал. Венгрия, Колумбия, Чили... Проще сказать, где не был. Снимали, к примеру, картину “Раскол” — про раскол в партии большевиков, — так мы по всем ленинским местам путешествовали: Брюссель, Лондон, Женева. Вот это было супер!

Политик вне политики

— Хочешь не хочешь, но, говоря о Прибалтике, все равно недобрым словом вспоминаешь и политиков, и развал Союза. Отношения между Россией и Литвой в последнее время называют не иначе, как состоянием “холодной войны”: взаимные обвинения в шпионаже, ссылки дипломатов, претензии экономического характера... Вы тоже считаете русских оккупантами?

— Не-ет, ни тогда, ни сейчас. У меня много коллег в русском драмтеатре, они талантливые люди, много работают... И отношения с русскими всегда были дружескими. И вообще — не мне жаловаться на советскую власть. Хотя... Внутри все равно оставалось: мы оккупированы. Про себя, негромко, мы повторяли это все. Негромко — потому что повсюду был всеисильный КГБ.

— Ваша семья пострадала от советской власти?

— Нет, нам повезло. Отец был простым инженером, в политику не лез. Но я отлично помню то время — как все сидели на мешках с сухарями и ждали, когда нас отправят в Сибирь. Все село дрожало. Одного соседа уже увезли, другого посадили в лагерь... Хотелось не хочешь, а страх перед репрессиями проникал извне. И так до 53-го года.

— Вы были в инициативной группе “Саюдиса”, вместе со всеми ратовали за независимость. И вот Литва — в единой Европе, скоро вместо литов будут евро, и никаких границ. Вы сами довольны достигнутыми результатами? Этого ждали, об этом мечтали?

— Империи рушатся не каждое столетие — мы и представить не могли, что выход Прибалтики закончится развалом СССР. Да, я был в “Саюдисе” — не потому, что я себя предложил. Это случилось помимо моего желания — избрали, и все. Так же и в советское время я сидел в Кремле, потому что меня делегировали от театрального союза. Сам в политику не лез никогда — она меня просто не интересовала, да и ни к чему совать нос в чужой огород. А долгожданной независимости радовался как все. Это процесс нормальный, естественный. Мы все равно не чувствовали себя свободными. Может быть, вам сложно это понять... Да, мы в Европе, но до их уровня жизни нам еще очень далеко. И вообще много еще остается такого, что бы хотелось изменить и что мы вначале видели совсем по-другому. Но по большому счету — да, мы об этом мечтали!..

...Вы не забудете передать привет Николаю Караченцову? Мы с ним снимались на Одесской киностудии, в “Тресте, который лопнул”. До сих пор с удовольствием вспоминаю эти времена... А он, оказывается, тоже стареет. А мне всегда казалось, что это не про него, что он всегда будет молодым, талантливым, импульсивным...

Елизавета МАЕТНАЯ, Вильнюс—Москва.